

Цикл Ирины Котовой
КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

Сорванный венец
Скрытое пламя
Проклятый трон
Связанные судьбы
Медвежье солнце
Темное наследие
Огненный путь
Расколотый мир
Горький пепел
Стальные небеса
Чужие боги

Вороново сердце. Часть 1

Вороново сердце. Часть 2

Ирина Котова

**КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ**

**ВОРОНОВО
СЕРДЦЕ**

ЧАСТЬ II

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К73

Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления *Евгения Антофия*

Иллюстрация на обложке *Яны Кшановской*

Иллюстрации в тексте *Вероники Акулич, Анны Ларюшиной*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Котова, Ирина Владимировна

К73 Королевская кровь. Вороново сердце. Часть 2 : роман / Ирина Котова. — Москва : Издательство АСТ ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 512. — (Другие миры).

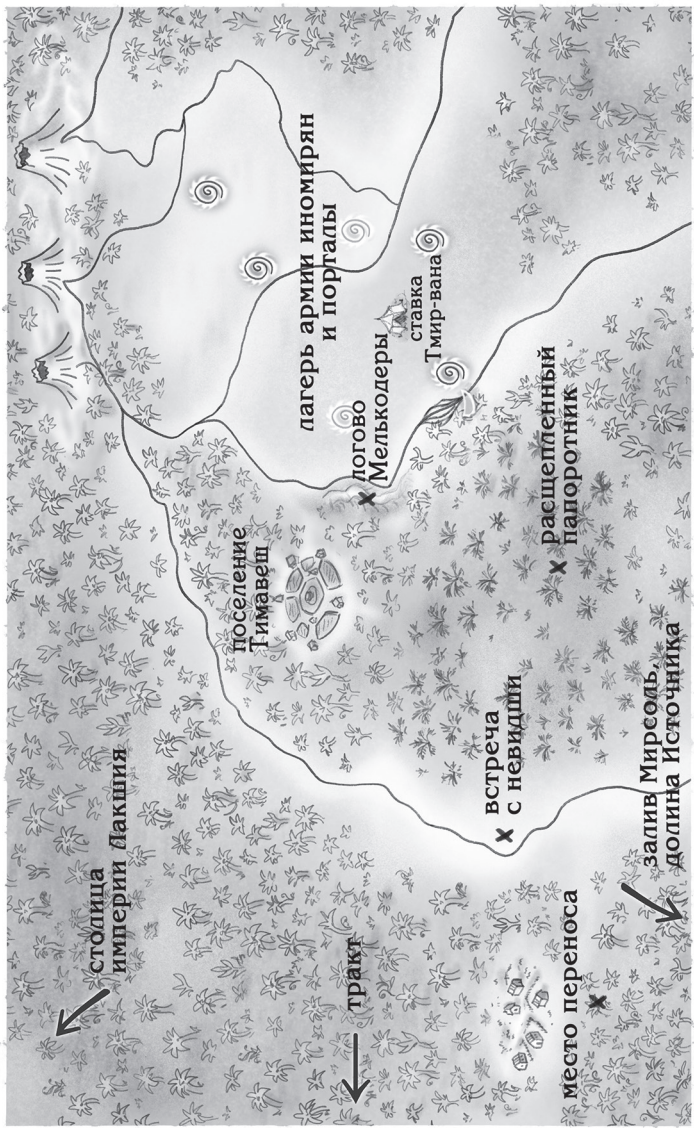
ISBN 978-5-17-170741-5

«Мы все пленники судьбы. Но иногда наступают эпохи, великие эпохи, когда меняется мир. Смотри внимательно, и ты увидишь знаки. Увидишь, как люди вырастают над судьбами, и даже боги склоняются перед их силой, перед добровольными и безоглядными жертвами во имя другого. Как борьба идет до последней капли крови, до последнего вздоха и смерти вопреки — и отступает рок, и ломается предначертание. Никогда такое не бывает случайно. Смотри. Наблюдай. Помни. Такое случается только тогда, когда мир уже треснул и нужны те, кто сошьют его вновь».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-170741-5

© Ирина Котова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

← столица империи Лакшия

поселение Тимавеш

лагерь армии иномирян и порталы

логово Мелькодеры

ставка Тмир-вана

встреча с невидши

расщепленный порталник

место переноса

залив Мирсомь, долина Источника

← тракт

ГЛАВА 1

Наши души — большая гагара,
Лети, гагара, ввысь, под самое небо,
Лети, гагара, под стопу к Триединому,
Посмотри вниз, посмотри вперед...

На Ньордхельме, самом северном полуострове Бермонта и материка Рика, уж двенадцатый день шло Большое Камлание. Место ритуала было заметно издали по вихрю необычайно яркого, видимого днем полярного сияния, поднимающегося до верхних слоев атмосферы всполохами зеленого, розового и голубого.

Но не только это было необычным.

Тундра, как правило покрытая снегом до конца мая, раскрасилась пятнами лишайников, белыми цветами багульника, морошки и голубики, зеленью карликовых берез, сосен и ив. Северные лисицы, олени, лемминги и песцы, ошеломленные внезапным изобилием, паслись, охотились и тучнели на глазах. Полярные совы и куропатки вили гнезда, а на берегу, от которого вдруг отступил большой лед Северного океана, возлежали тюлени и морские львы, лениво шевеля хвостами под вибрирующий, разносящийся на десятки километров звук больших барабанов, звон колокольчиков с одежд и гортанное пение.

Будут ли наши дети здоровы,
Будет ли родить наша земля,

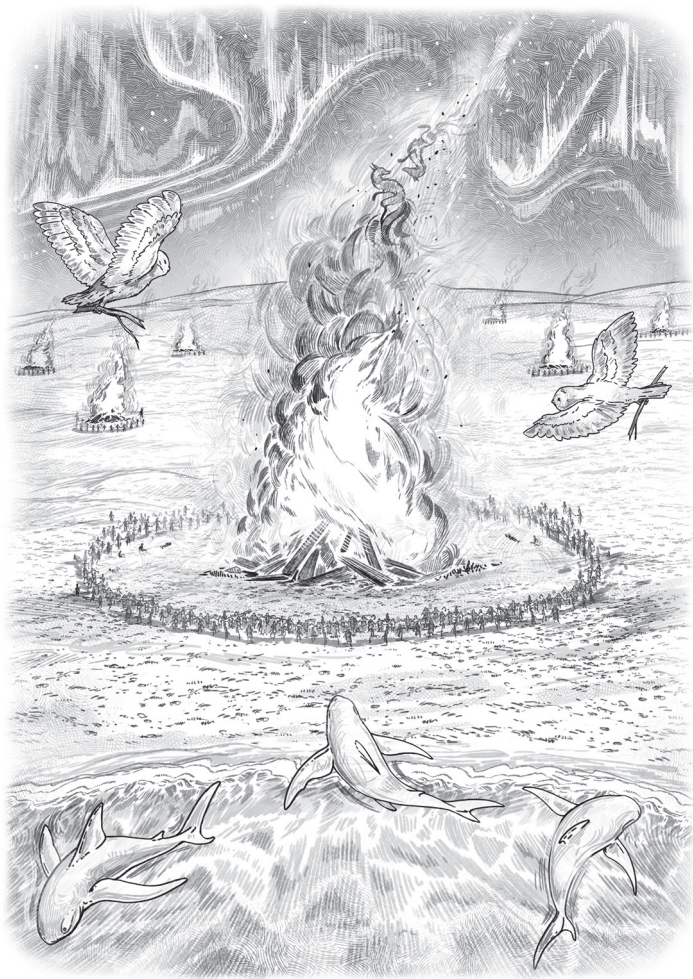
Так же ласкова будет ли мать-вода,
Сможем ли мы дышать воздухом нашего мира,
Что несет нам здоровье и удачу,
Не потухнет ли огонь наш,
Вернется ли смерть к нам,
Чтобы проще было равновесию мира,
Чтобы всем вещам был свой порядок.

По кругу были сложены шестьдесят огромных костров, в которых резвились огнедухи, выглядевшие здесь, на севере, золотыми лисицами с множеством хвостов. Равновесники, привлеченные ритуалом, расползались под ногами шаманов упругим ковром из вьюнков, а большие медведи-варранты, покрытые белым лишайником, и огромные, размером с листолет, духи воздуха, вскормленные на неукротимых стылых ветрах и принимавшие здесь облик пушистых полярных сов, приносили для костров валежник. То и дело в море прыгали полупрозрачные косатки, глядя на танец почти тысячи шаманов, пришедших сюда со всех кочевий северной и степной Туры, а самые любопытные отращивали себе крылья и зависали у ритуального круга, и их водяная поверхность подрагивала от вибраций.

Дни сменялись короткими, на пару часов, полярными ночами — временем духов смерти, которые здесь выглядели как призрачные серые вороны со светящимися зеленью глазами и медленно кружили над кострами, дразня огнедухов. Солнце, не успев спрятаться за горизонт, снова поднималось над ним, и продолжалась совместная пляска людей и духов, привлеченных мощью обряда, которого доселе не бывало, и вливающих в него и свои силы.

Когда спустишься вниз, гагара,
Скажи, откуда ждать беды,
Скажи, когда ждать беды,
Скажи, как спастись от беды...

Много, много шаманов пришли на Большое Камлание, и в круг у костров они вступали по очереди —

Большое Камлание

когда одни падали без сил, на их место вставали другие, которые до этого спали в чумах, восстанавливая силы, и готовили на кострах хóску — напиток из меда, трав, ягод и оленьего молока, чтобы все, и молодые, и старые, смогли дотанцевать до конца обряда.

На двенадцатую полночь полярное сияние полыхнуло и растворилось, позволяя всем, кто замер сейчас, глядя сквозь прорези духовых масок вверх, в наступившей оглушительной тишине прозреть сквозь время.

И увидела коллективная душа, собелита, как восходит над океаном солнце и замирает там последним рассветом. Увидела застывшие над миром полупрозрачные фигуры Великих стихий, склонившихся в ожидании над Турой. И пять золотистых канатов, уносящихся от Туры в бесконечность космоса, узрела, и зарождающийся шестой.

А затем — как крутятся над Турой светлые и черные вихри, уничтожая все на своем пути, такие огромные, что люди — песчинки у их подножия, крохотные пташки с жаркими душами. И спасения нет нигде, кроме как под землей, в небесах, если ты ловок, — или там, где теплым огнем светит благодать Триединого.

Мелькнуло это видение — и погасло вместе с вихрем сияния и жаркими кострами. И тогда шаманы залечили раны на земле, оставшиеся от костров, оседлали духов: кто водных, чтобы на их спинах доплыть до поселений вдоль океана, кто воздушных, чтобы успеть вглубь материка, — и понеслись во все стороны.

*Шестое мая, Ренсинфорс, Бермонт
5.00 утра (1.00 по Иоаннесбургу)*

Полина

Ее величество Полина-Иоанна ворочалась в большой постели, пытаясь заснуть до оборота. Но сон не шел.

— Наверное, я уже выпалась на всю жизнь, — проворчала она в темноту, кидая украдкой взгляд за окно,

где уже давненько светало. Может, полетать минут пятнадцать, раз все равно не спится?

Но нет, не дай боги, потеряет счет времени и шлепнется вниз медведицей. Да и сил нет. Пусть сон не идет, зато сейчас она может побыть наедине с собой, позволив мыслям течь лениво и без принуждения.

Уже больше недели, с той поры как Игорь Иванович вколол свою последнюю иглу, Полина проводила в облике человека восемнадцать из двадцати четырех часов в сутки, и в сон в облике медведицы проваливалась до полудня аккуратно в шесть утра, когда иные подданные уже вставали.

— Или на пробежку? — прошептала она вслух. — Хотя что там за эти полчаса побегаешь, только разогреться...

Слабость, сопровождавшая ее со времен Солнечного моста, почти отступила, дел было много и в отделе госбезопасности, где она стажировалась, и в создании женских отрядов самообороны из дочерей линдморов и простых бермонток, и в работе с беженцами.

С тех пор как Полина отправила баронам гор грамоты с проектами приказов о поступлении женщин на военную службу и на учебу в высшие магические университеты, прошло две недели. И это были очень насыщенные недели, потому что пришлось срочно организовывать комитет, занявшийся женской мобилизацией, контролировать его работу, открывать по городу и стране десятки мобилизационных пунктов, а также искать военных, способных перешагнуть через предубеждения, отсортировать девушек по умению управляться с холодным и огнестрельным оружием, начать обучать их и сразу отправлять в помощь патрульным.

В столицу стали прибывать десятками и сотнями простые и медвежьи девы с земель всех бермонтских кланов, а в мобилизационных пунктах встали очереди из девушек и женщин, желающих поработать в дружинах, выучиться на регулировщиц и патрульных. Пришлось решать вопросы с их размещением — благо в Ренсин-

форсе сейчас было множество опустевших казарм, — с питанием, с формой, ибо маломерных среди берманов не бывало. Спасало то, что почти все женщины Бермонта хорошо управлялись и с иглой, и со швейными машинками и могли подогнать форму себе по фигуре.

Гвардейский полк замка Бермонт тоже пополнился рекрутками, но очень титулованными — по совету леди Редьялы.

— Раз Ровент решил прислать тебе младшую дочь, — сказала она, — то и остальные линдморы поступят так же, дабы не ронять свою честь. Окажи им уважение, прими девушек в гвардейские рекруты. Так и ты сможешь проходить с ними построения и часть службы, и они будут под твоим началом. Дашь им сержантские звания, а офицерские получают после обучения.

— Мне, если честно, и фрейлин многовато, — вздохнула Полина, но, понимая разумность совета, выпустила указ о формировании женского гвардейского полка, с условием, что в него войдут не только берманки, но и обычные девушки, показавшие отличные результаты по физической форме и обращению с холодным и огнестрельным оружием. И теперь по четыре часа вечерами, после посещения мероприятий в столице, после стажировки в отделе госбезопасности, она занималась с гвардейским полком. И думала о том, что неплохо бы было найти такую, как Люджина Дробжек, на офицерскую должность. Потому что по лицу Хиля Свенсена, когда он глядел на рекруток, было понятно, что он испытывает очень сложные чувства. Как и по лицам других берманов.

Собственно, заметив это, Полина уверилась в правильности своих решений.

Люджины здесь не было — но она сама могла бы стать такой, как Люджина. И первое, что она сделала, — произнесла короткую речь, встав перед строем.

— Бермонт — страна сильных мужчин, — сказала Полина в завершение. — И не менее сильных женщин. Пришла пора показать свою силу не только в управлении домом.

Девушки были очень разными, серьезными и смешливыми, с горящими глазами и равнодушными, высокомерными и послушными, из союзных и соперничающих кланов, но ей пока некогда было разбираться в хитросплетениях их отношений друг к другу и к ней самой — а оно тоже было разным. Полине было некогда — зато в радость было размяться и тяжело поработать физически после нескольких часов в отделе госбезопасности.

Генерал Ульсен, глава отдела, относился к ней примерно так, как она — к рекруткам. С некоторой настойчивостью.

— Для начала ты пройдешь стандартное обучение, моя королева, — терпеливо объяснял он, — где стажерам объясняют принципы секретности, безопасности, законности и действий вне закона. Ты будешь изучать старые дела, разбирать удачные находки и провалы, решать ситуативные задачи. Читать отчеты самостоятельно, делать выводы, задавать кураторам вопросы. А дай боги, закончится война, поступишь в Королевскую академию безопасности уже с хорошим багажом знаний.

Она и изучала — старые агентские операции: как работали с подпольными бандитами, с контрабандистами, как выискивали шпионов других стран, и для Полины это было интересней чтения приключенческих романов. И отличное знание языков пригодилось, потому что часто преступность оказывалась международной и свидетельства были на других языках.

Демьян правильно сделал, что решил нагрузить свою королеву делами — это обеспечило ее безопасность лучше любой охраны, потому что сейчас ей было не до полетов.

Полина снова перевернулась, снова посмотрела на часы. Пять двадцать семь. Четыре минуты прошло, а кажется, что вечность!

— Может, отчеты перечитать? — снова спросила она себя и тут же зажмурилась, приказывая себе спать.

Но не спалось. Тревога, которая фоном вибрировала с самого начала войны, в последние дни стала сильнее. И как ни выматывай себя — никуда от нее не деться.

Сразу после пробуждения в полдень и вечером после ужина Полине докладывали обстановку — и она знала сейчас, что Иоаннесбург под ударом, и что в Инляндии крупная битва, и что в Йеллоувине бой подходит к концу и иномиряне уже разбиты, идет зачистка последних отрядов. Знала она и то, что Демьян в составе сводного бермонтско-рудложско-блакорийского войска освобождает Блакорию.

Последний раз Полина видела его в середине апреля, когда он внезапно появился в замке с фон Съедентентом, чтобы подпитать алтарный камень, и провел с ней восхитительное утро, и ушел, поцеловав ее и прихватив с собой маленький мешочек с землей, взятой во внутреннем дворе замка.

— Война затягивается, и мне тяжело долго находиться далеко от земли Бермонта, — объяснил он тогда, вешая его на кожаный шнурок на шею, — она дает мне сил.

Разговаривали они последний раз первого мая, пять дней назад — когда на Демьяна было совершено покушение, и с тех пор у мужа не было ни минутки связаться с Полиной. Она скучала — но запретила себе просить организовать связь с ним. Она и так знала, что он тоже скучает и, если не звонит, то очень-очень занят. Главное, что жив. Что армия, с которой он идет, уже выиграла несколько крупных битв и продавала иномирян вглубь Блакории. А при таком темпе до Рибенштадта каких-то три-четыре недели — поэтому нужно ждать, пока Демьян загонит иномирян обратно в портал под блакорийской столицей, и заниматься своими делами.

Через день Полина созванивалась с Мариной — сестра была какой-то загадочной, и Поля прямо чувствовала, что ей хочется поделиться каким-то секретом.

— Я расскажу тебе, — пообещала Марина после прямого вопроса, — только сама пойму окончательно,

что со мной происходит. В любом случае по сравнению с тем, что творят наши старшие и Алина, это ерунда.

Полина знала, что Ангелина участвовала в спасении драконов из Драконьего пика, и послала ей огнедуха с восторгам и поздравлениями. Замирая от недоверия, слушала вчера вечером отчет о том, как Василина оставила часть вражеской армии на подступах к Иоаннесбургу, — впрочем, после того как Поля по телевизору увидела кадры огромной огнептицы, которая летела над Севером Рудлога, она уже почти не удивлялась Васинным изменениям.

И, конечно, Полина часто думала об Алине — смутно догадываясь, что путешествие в Нижнем мире, откуда родом жестокие захватчики, не могло не изменить сестру. Но после того, как Демьян сказал, что пойдет на помощь в Нижний мир, Поля вдруг уверилась, что все будет хорошо.

Она всегда верила в него. Несмотря ни на что.

Полину то и дело посещала мысль о том, что все ее сестры, за исключением, наверное, Каролины — которая говорила при созвонах только о своих картинах и жаловалась, что скучает, — принимают активное, героическое участие в спасении мира. Хотя и Каролина тоже... прорицает вот. И только Полина заперта в замке и занимается какой-то рутинной на фоне глобальной катастрофы и всеобщего самопожертвования.

— Во-первых, ты успела погеройствовать раньше нас всех, — сказала ей Марина серьезно, когда она поделилась этими мыслями. — Ты спасла Демьяна, спасла Бермонт, сама еле выкарабкалась. Еще не все иглы вколоты, ты еще одной лапой во власти смерти, а уже думаешь, что недостаточно делаешь. А во-вторых, Поля, в отсутствие Демьяна ты — глава Бермонта. Помни об этом. Да, в твоём характере лезть на рожон, ты не можешь сидеть на месте. Но не всем нужно спасать мир, кому-то нужно думать о таких банальных вещах, как еда, кров для людей и их здоровье. Посмотри на Мариана — пока Вася дозывалась в лаве до стихийного духа Рудлога, он стойко занимался страной и детьми. Стал он

от этого менее значимым? Нет, как и ты. Твой вклад не меньше из-за того, что ты не на передовой. А тем, кто на передовой, очень важно знать, что есть те, кто обеспечивает им тыл.

— Спасибо, — проговорила Полина. — Когда ты стала такой мудрой, Марина?

Сестра скептически хмыкнула.

— Может, — сказала она с легкой грустью, — мы просто взрослеем, Пол?

Полина наконец начала задремывать, глядя на рассвет за окном и думая о том, что впереди июнь, когда от зари до зари какой-то час. И вспоминая, как Демьян обещал, что летом они будут гулять по ночному лесу, ходить звериными тропами, есть ягоды и мед, охотиться и учить Полю принимать и понимать звериную часть себя.

В окне что-то мелькнуло, по стеклу деликатно словно царапнула большая лапа, и Полина подскочила, выхватила из-под соседней подушки пистолет, прицелилась, перекаtywаясь по кровати, чтобы рухнуть вниз, в укрытие. Выглянула: в окне проявилась огромная полупрозрачная совиная морда, опустилась вниз, — и Поля увидела почти утонувшего в пушистых перьях старика.

— Тайкахе! — ахнула она, бросила пистолет на постель, подскочила к окну, открыла его, улыбаясь и хмурясь одновременно.

Шаман с усилием поднялся, сошел по крылу — он был исхудавший, пахнувший костром, травами и молоком. Развернулся в проеме, что-то ласково и гортанно сказал гигантской сове — и она смазанным пятном улетела куда-то вбок.

В покои Полины распахнулись двери, вбежали гвардейцы, целясь в старика. Тот с достоинством поднял темные руки.

За спинами охранников пыталась отдышаться, приложив руки к груди, дежурная фрейлина.

— Это Тайкахе, — так величественно, словно ничего необычного не происходит и она не стоит в пижамных